

Илья КОРМИЛЬЦЕВ:

Мутация.

Еще неизвестно, что вырастет

Станислав КУВАЛДИН
Новая газета.
Подписной индекс 32120

— Илья, уже почти три года, как нет «Наутилуса». Не пресеклись после этого ваши связи с миром музыки?

— Нет, я, конечно же, связан с музыкой. Просто потому, что за многие годы лучше всего научился быть связанным именно с нею. Я решил писать музыку сам.

— Вы?

— Наверное, это не самый умный шаг, учитывая, что за плечами есть определенная карьера, но мне всегда хотелось это попробовать. Сейчас у меня есть свой проект — группа «Чужие», — его, кстати, не стоит путать с питерской танцевальной группой с таким же названием, клип которой сейчас крутят по MTV. Потом, мы кое-что пытаемся сделать с Максом Фадеевым. А вообще я в этом отношении человек сложный. Я пятнадцать лет проработал с одним музыкантом. Это так же, как много лет прожить в одном браке.

— Кстати, каковы были отношения с Бутусовым? Их можно охарактеризовать как взаимовлияние?

— Новые требования, которые появились в работе с «Наутилусом», безусловно, основывались на самоконцентрации. Перестало интересовать то, что происходит снаружи. То есть мне можно было делать то, что я хочу, с той скоростью, с которой могу. Эстетика выростала только изнутри. Это взаимовлияние обеспечивалось общей средой обитания — сходными интересами и общими разговорами. Мы просто пытались создать особую атмосферу некой единой личности, от лица которой пишется песня.

— Остановимся на проблеме этой единой личности. У «Наутилуса» характер несколько раз кардинально менялся. Каков был механизм этого процесса? Как обеспечивалась его синхронность?

— Это вопрос для развернутых мемуаров, когда, хорошенько покопавшись, можно, наверное, оп-

ределить, как именно это было и что конкретно на все повлияло. Могу сказать, что главным принципом всегда оставался принцип творческой свободы. Разговоров на уровне того, что надо бы повставлять латиноамериканские ритмы или писать не про несчастную, а про счастливую любовь, никогда не было. И уж тем более не мелькали слова вроде «позиционирование».

— Единой творческой личности «Наутилуса» уже нет. Неужели это не отражается на ваших теперешних произведениях?

— Я не настолько рефлексирующий человек, чтобы так меняться, исходя из изменений среды. Но если пишешь музыку сам, ты, может быть, предъявляешь к слову не такие требования, как в случае, когда пишешь текст для неизвестной музыки другого человека. Когда не знаешь, как эта музыка отразит то, что ты чувствуешь, то пытаешься это чувство довести до предела уже в словах. Если же ты пишешь сам, то к словам можно отнести просто как к декоративному элементу. Это принципиально похоже на те тексты, которые писал Слава Бутусов.

— В чем изменилось время именно для вас?

— Сейчас завершилась эпоха, в которой существовал «Наутилус». Он очень четко уложился в рамки единого временного периода, который начался в 1985 году, а завершился как раз где-то в 1997-м. Тональность времени сменилась.

— Что для вас рок-н-ролл? Тайна?

— Рок-н-ролл тайна лишь постольку, поскольку он одна из форм музыки. Как любая стилистика, он имеет свое начало и свой конец. Мне кажется, что он уже давно пережил свое время. Это загибающийся жанр. Правда, загибается он уже давно и, наверное, будет продолжать в том же духе очень долго. Потому что в нем есть легенда, которая привлекательна.

— А в чем легендарность?

— Прежде всего нужно сказать, что эта легенда не музыкального, а скорее историко-культурного происхождения. Это первый жанр популярной музыки, который заставил воспринимать себя серьезно как некий способ передачи опреде-

ленного мироощущения. Это произошло впервые со времени романтиков девятнадцатого века. Музыку ведь редко воспринимают серьезно. Мое глубокое убеждение, что средний человек боится музыки.

— Именно боится?

— Именно боится. Музыка — разрушитель его обыденного мироощущения. Она бесплотна, но способна воздействовать. Она не обязательна, поскольку создается искусственно, но в то же время всегда присутствует везде — в шумах, в ритмике. Это тайна, которая разрушает линейный мир причинно-следственных связей. Попробуйте поставить обычному человеку серьезную музыку и заставьте его ее слышать (а не слушать), то есть чтобы она звучала не просто как фон. Вы увидите, как ему будет неуютно. Именно поэтому он нуждается в таком количестве как бы «стертой» музыки, которая создавала бы впечатление, что музыка есть, но в то же время убивала бы ее сущность. Огромным количеством такой музыки, звучащей вокруг, современный человек загораживается от тайны музыки настоящей. То есть музыка звучит, чтобы ее не слышать.

— В перестроечные годы вы писали: «Страна умирает, как древний ящер с новым вирусом в клетках». Что с этим вирусом?

— Динозавр под воздействием вируса не умер, а мутировал. Ему дали время. Сменив экономическую систему, он сохранил свои главные внутренние идеологические черты. Ну отпали у него какие-то лапы. Это несущественно — сердце по-прежнему бьется. Вирус, оказывается, поразил не те органы. Он воздействовал на то, что ему казалось важным, но это оказалось клыками и когтями, отпадающими и отрастающими вновь в другой форме.

— Может ли появиться новый вирус или у ящера уже выработался иммунитет и он теперь более жизнестойкий?

— Хороший вопрос. Мне кажется, что пока мы вообще не можем сказать, что с ним будет, как и когда. Мы находимся лишь в начале мутации, и еще неизвестно, что и куда у него отрастет.